
Камила Левитан ✦ Анна Сорока
Измена мужа.
Ты украл мою компанию, но я уничтожу твою репутацию!

Анна Сорока

Измена мужа. Ты украл мою компанию, но я уничтожу твою репутацию!

«Автор»
2026

Сорока А.

Измена мужа. Ты украл мою компанию, но я уничтожу твою репутацию! / А. Сорока — «Автор», 2026

Муж привёл любовницу в наш дом и потребовал отдать ей мою долю в компании. А когда я отказалась, выбросил меня с маленькими детьми на улицу. Без денег, документов и крыши над головой.Он рассчитывал, что я сломаюсь и подпишу всё. Но я слишком хорошо знаю порт, грузы и чужие махинации.Неожиданным союзником становится суровый капитан Григорий, за плечами которого опасная тайна. Вместе мы находим следы контрабанды, украденных разработок и преступления, которое муж хотел похоронить в море.Теперь под угрозой не только его состояние, но и моя жизнь.Я верну детям дом. А себе право любить и выбирать. Снова. Без страха.

© Сорока А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Анна Сорока
Измена мужа. Ты украл мою компанию, но я уничтожу твою репутацию!

Глава 1

Дождь барабанил по стеклу так, будто кто-то снаружи пытался выбить дверь. Я вернулась с работы раньше обычного — логистика в порту не знает выходных, но сегодня всё шло наперекосяк. Контейнер застрял на таможне, и я провела три часа, доказывая инспектору, что груз — не контрабанда, а просто чья-то глупость. Устала до костей. Хотела только тишины, горячего чая и того особенного запаха, который исходит от Артура: смесь морского бриза, дорогого табака и моего любимого парфюма, который он покупал мне каждый год на годовщину.

В квартире тянуло сквозняком. Я поёжилась, не снимая пальто: обычно Артур ворчал, если я оставляла окно открытым, а теперь сам выстудил комнаты. В гостиной горел свет, но чайник стоял пустой, остывший. Тишина была слишком плотной, давящей на уши. Миша и Катя, наша двойня, обычно уже спали или смотрели мультики, но сейчас их не было слышно. Ни звука шагов, ни скрипа дивана. Только тиканье настенных часов и шум дождя.

Я достала телефон. Пальцы дрожали, не от холода, а от странного предчувствия, которое скребло внутри груди, как кошка когтями. Набрала номер Артура. Гудки. Долгие, мучительные гудки. Один, два, пять... Сброс. Он всегда брал трубку, даже если был на совещании с инвесторами. «Вера, я занят», — говорил он тогда, и это звучало как обещание вернуться. Сейчас тишина в трубке звучала как приговор.

Через минуту экран вспыхнул уведомлением. СМС от Артура: «Задержусь. Не жди».

«Не жди». Я перечитала сообщение. Когда он задерживался, я обычно спрашивала, разогревать ли ужин. Сейчас даже написать ему не смогла. Стояла с телефоном в руке, прислушиваясь к квартире.

Я прошла в спальню. Дверь была приоткрыта. Из щели пробивалась полоска света, и доносился смех. Тихий, довольный, женский. Я толкнула дверь плечом и замерла.

На нашей кровати, там, где мы засыпали рядом двенадцать лет, сидела Диана. Она примеряла мое вечернее платье цвета индиго — то самое, которое я купила на прошлой неделе для благотворительного ужина в портовом клубе. Платье висело на ней мешковато, ткань подчеркивала худобу её ключиц и острый подбородок. Она поворачивалась на кровати перед зеркалом, поправляя прядь рыжих волос, и смеялась чему-то своему.

— А? — она заметила моё отражение в зеркале и обернулась. Её глаза блестели торжеством хищника, загнавшего жертву в угол. — Верочка. Ты рано. Мы тут как раз обсуждали, как тебе лучше пережить развод. Или ты еще не знаешь?

— Вылезай из моего дома, — голос сорвался на хрип. Я сделала шаг вперед, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Диана не испугалась. Она медленно сняла платье, аккуратно повесила его обратно в шкаф, поверх моих вещей, и потянулась к телефону, лежащему на тумбочке.

— Старая мебель, — произнесла она растянуто, словно пробуя слово на вкус. — Знаешь, Артур говорит, что ты стала слишком... домашней. Скучной. Порт требует ярких лиц. А ты? Ты же просто функция. Логистика, счета, дети. Мебель можно выбросить, когда ремонт сделан.

Она включила камеру. Экран телефона развернулся ко мне.

— Давай, покажи нам свою истерику, Вера. Артуру будет приятно видеть, какая ты неуравновешенная. Это пригодится суду.

Я рванулась к ней, чтобы вырвать телефон, но она ловко отскочила, упираясь спиной в стену. Её смех звенел под потолком, противный и тонкий. В этот момент я поняла: она не боится. Она ждет. Ей нужно, чтобы я выглядела сумасшедшей. И Артур уже согласовал сценарий.

Дверь спальни распахнулась шире. Артур. Он стоял в дверном проеме, в идеально отглаженной рубашке, рукава закатаны до локтей. На лице ни тени смущения, ни капли вины. Только холодная, расчетливая скука. Он посмотрел на нас — на меня, сжимающую кулаки, и на Диану, улыбающуюся в объектив камеры — и вздохнул, как человек, уставший от долгой дороги.

— Хватит, — сказал он тихо. Диана сразу убрала телефон, но не ушла. Она осталась стоять у стены, наблюдая за мной с высоты своего нового положения.

Артур прошел к креслу у окна, сел, закинув ногу на ногу, и положил на подлокотник папку с бумагами. Толстую, тяжелую папку, перевязанную красной лентой.

— Подпиши, Вера.

Он протянул руку, указывая пальцем на документ. Я не двинулась.

— Что это? — спросила я, хотя уже знала ответ. Видела название компании в шапке листа. «Вертикаль». Наш бизнес. Мой бизнес, который я строила с нуля, пока он искал инвестиции.

— Передача доли, — ответил он буднично. — Диана вносит капитал. Твоя доля переоформляется на неё. Это необходимо для имиджа компании. Инвесторы хотят видеть свежую кровь, связи семьи Волковых. Тебя считают... препятствием.

— Препятствием? — я усмехнулась, но в усмешке было больше боли, чем злости. — Я создала эту систему. Без меня ваши суда будут гнить на рейде месяцами.

— Без тебя мы будем выглядеть современнее, — перебил он. Его взгляд скользнул мимо меня, в коридор, откуда доносился плач детей. Миша и Катя проснулись. Они услышали громкие голоса. — Подписывай. Прямо сейчас. У тебя нет выбора.

— Ты разбудил детей, — сказала я, делая шаг назад, загораживая собой проход в детскую. — Оставь их в покое. Не смей впутывать их в свои игры.

Артур поморщился, словно от зубной боли.

— Они привыкнут. Или нет. Мне всё равно. Главное — подпись. Если не подпишешь сама, я найду способ сделать это через опекунский совет. Но тогда ты потеряешь право на общение с ними быстрее. Так что решай: ты умная женщина, Вера. Или ты хочешь быть жертвой обстоятельств?

Из детской снова позвали меня. Артур постучал пальцем по месту для подписи, даже не повернув головы на их голоса. Раньше я бы сама отправила его к детям, пока разбираюсь с бумагами. Сейчас хотелось заслонить дверь.

— Ты чудовище, — прошептала я.

— Я прагматик, — поправил он, не повышая голоса. — Время. Час. Потом охрана выведет вас на улицу.

Я метнулась к кабинету. Там, в сейфе, лежали мои документы, паспорта, свидетельство о браке, дипломы. Всё то, что доказывало мою личность, мой возраст, мою историю. Артур последовал за мной, бесшумно ступая по ковру.

Сейф был открыт. Пустой. Внутри лежала только одна папка, которую он специально оставил на виду. Юридическая оферта. А остальные документы исчезли.

— Где они? — я повернулась к нему, чувствуя, как леденеют пальцы.

— В безопасности, — он показал свой телефон. Экран светился зеленым уведомлением банка: «Баланс счета обновлен. Доступ заблокирован администратором». — Деньги тоже. Все активы заморожены до окончания бракоразводного процесса. Чтобы ты не наделала долгов.

Я схватила его за руку. Рефлекторно, отчаянно. Мои ногти впились в ткань его рубашки.

— Артур, пожалуйста. Дай мне время. Найди квартиру. Детям нужен дом. Я не могу жить в хостеле с двумя маленькими детьми. Просто подожди неделю. Одна неделя.

Он посмотрел на мои пальцы, сжимающие его рукав, с таким отвращением, будто я коснулась чего-то грязного. Резким движением он вырвал руку, отряхивая манжету.

— У тебя есть час, — повторил он, отходя к двери. — Потом вызову охрану. Не заставляй меня делать это публично.

Глава 2

Из коридора донесся плач. Громкий, испуганный детский плач. Миша и Катя выбежали навстречу матери. Они были в пижамах, сонные, растерянные.

— Мама? — позвал Миша, цепляясь за мою юбку.

— Папа! — Катя увидела Артура и потянулась к нему, забыв о страхе. — Папа, почему мама плачет?

Артур вышел в коридор. Свет лампы в коридоре упал на его лицо, превратив черты в жесткую маску. Он не посмотрел на детей. Он посмотрел на меня, стоящую на коленях среди игрушек, и сказал громко, четко, так, чтобы слышали соседи за тонкой стеной:

— Мама сошла с ума. Ей нужно лечение. Она кричит, ломает вещи, угрожает папе. Папа останется с вами, если вы будете слушаться и не будете бояться. Но маму нужно изолировать. Для вашей же безопасности.

Дети замерли. Их глаза расширились от ужаса. Они не понимали слов, но чувствовали тон отца. Холодный, властный, окончательный. Катя отпрянула от Артура и забилась в мои руки. Миша начал всхлипывать, пряча лицо у меня на груди.

— Нет, — прошептала я, гладя их по волосам. — Не слушайте его. Мы идем к бабушке.

— Бабушка далеко, — спокойно заметил Артур. — А здесь есть полиция. И охрана.

Он свистнул. Из прихожей, откуда до этого доносился только шум дождя, вышли двое крупных мужчин в черных куртках. Охранники кондоминиума. Их лица были каменными, руки скрещены на груди.

— Выведите, — приказал Артур.

Один из охранников сделал шаг вперед. Я обняла детей, заслонив их собой. Катя вцепилась в мой рукав, Миша — в край пальто. Их тела дрожали, маленькие сердечки колотились как птицы в клетке.

— Не трогайте детей! — закричала я, отступая к стене. — Это незаконно! Вы не имеете права!

Артур уже не смотрел на нас. Он вернулся в гостиную, к столу, где лежал контракт. Диана следовала за ним, победоносно улыбаясь.

Охранники взяли меня под локти. Грубо, механически. Боль пронзила плечи, но я молчала, лишь стараясь не выпустить детские руки. Они не сопротивлялись, они просто выполняли приказ владельца. Владелец — это Артур. А я — посторонняя.

Мы прошли через гостиную. Артур даже не поднял головы. Диана поправила прическу в зеркале холла, бросив быстрый взгляд на меня. В её глазах читалось: «Ты проиграла. Даже не начинала».

Лифт не работал. Охранники повели меня по лестнице вниз, на первый этаж. Я считала ступеньки, чтобы не потерять рассудок. Тридцать шесть ступеней до первого этажа. Каждый шаг отдавался эхом в пустой шахте лифта.

У подъездной двери они остановились.

— Здесь твои вещи? — спросил один из них, кивая на пустые руки. Кроме детей, у меня ничего не было. Сумка осталась в квартире; документы из неё Артур тоже забрал в сейф. Телефон был в кармане, но экран показывал блокировку сим-карты.

— Мне нужно взять теплые куртки детям, — сказала я. — И паспорт.

— Запрещено возвращаться внутрь, — отрезал охранник. Он открыл дверь.

Порыв ветра ударил в лицо. Дождь хлестал горизонтально, превращая воздух в водяную пыль. Я вывела детей на крыльцо; Катя споткнулась, и я успела подхватить её под локоть. Дети заплакали сильнее, почувствовав холод.

— Артур! — закричала я в закрытую дверь. — Артур, открой! Это наши дети! Ты не можешь оставить нас на улице!

Ответом был только гул домофона и щелчок замка. Звук этот был глухим, финальным. Как выстрел.

Усадив детей под козырьком, я начала колотить кулаками в металлическую дверь. Кожа на костяшках содралась, пошла кровь, смешиваясь с водой. Боль была острой, ясной, единственной реальностью в этом абсурдном сне.

— Открой! Сука! Открой!

Из-за двери донесся смех. Тихий, женский смех Дианы. И голос Артура, приглушенный металлом, но отчетливый:

— Да, я освободил место. Да, она уже за бортом. Переводи деньги на новый счет.

Щелчок. Внутренние задвижки закрылись окончательно.

Я отступила на шаг, тяжело дыша. Вода стекала по лицу, попадая в рот. Соленая. То ли от слез, то ли от моря, которое было совсем близко, за кварталом. Я посмотрела на своих детей. Мокрые волосы прилипли ко лбу, губы посинели от холода. Катя трясла головой, отказываясь открывать глаза. Миша молчал, глядя на меня огромными, полными страха глазами.

В фойе жилого комплекса, за стеклянными дверями, горел яркий, стерильный свет. Я видела силуэты людей, проходящих мимо. И там, в глубине, у ресепшена, стояла пара. Артур и Диана. Они целовались. Нежно, собственнически. Празднуя победу над врагом, которого сами же создали.

Мне захотелось ворваться туда. Разбить стекло, душить их голыми руками, кричать, пока не сорвешь голос. Но тело предало меня. Ноги стали ватными. Я посмотрела на охранников, которые курили у входа, равнодушно наблюдая за моим унижением. Они не вмешаются. Для них я — просто сумасшедшая баба с детьми.

И в этот момент, среди шума дождя и собственного отчаяния, пришла ясность. Холодная, расчетливая, почти научная ясность.

Диана была лишь частью этого. Он месяцами готовил кражу, а я помогала ему, подписывая бумаги.

Я вспомнила все те ночи, когда Артур просил меня «подписать вот эти бумаги для налоговой», «перевести вот эти средства на резервный фонд», «доверить ему управление патентами». Я делала это вслепую, потому что любила его. Потому что верила, что мы команда. А он использовал моё доверие как инструмент вскрытия. Он системно, месяцами, выпотрошивал меня, оставляя пустую оболочку имени «жена».

Любовь была прикрытием. Брак — декорацией для преступления. Он не просто бросил меня. Он украл мою жизнь, мою работу, мою идентичность. И сделал это под аплодисменты общества, которое видит в нем успешного судовладельца, а во мне — истеричку.

Я больше не смотрела на их поцелуй. Перебирала в памяти бумаги: что подписала, когда, какие письма сохранились. Злость мешала дышать, но впервые за этот вечер помогала думать.

Я отвернулась от света фойе. Посмотрела на темный двор, где качались голые ветки деревьев. Нас не видно. Нас не слышат. Мы — никто.

Но я жива. И я знаю правду.

В кармане старого пальто, промокшего насквозь, лежала единственная вещь, которую Артур забыл проверить, потому что считал её бесполезным мусором. Старая флешка с бэкапами сервера «Вертикали» за последние три года. Черновики контрактов, переписка с тендерами, логи доступа. Всё то, что он думал, что удалил.

Пока эта флешка жива, я тоже.

Но где ночевать с двумя детьми, когда весь город стал чужим? Когда банки закрыты, а имя опорочено?

Я прижала детей к себе, чувствуя их дрожащие тела. Шаг. Второй. Темнота двора поглотила нас, унося прочь от света, который обжигал.

Дождь заливал глаза; приходилось щуриться, чтобы не потерять дорогу к хостелу. Ледяные струи били по лицу, стекали за воротник промокшего пальто, превращая ткань в тяжелую, давящую кожу. Я прижала к себе двойню. Миша и Катя дрожали мелкой, нервной дрожью, их маленькие руки впивались мне в пальто, как когти. Они молчали. Я наклонилась к Мише, ловя его дыхание у своего уха. Ещё недавно он всхлипывал на каждом шаге; теперь приходилось самой тянуть его за собой. От этого молчания стало страшнее.

Мы шли к хостелу «Моряк». Третья улица, старый кирпич, запах плесени и вареной капусты. Для меня это был последний шанс на крышу над головой. Не дом, не квартира с видом на гавань, где Артур уже, наверное, открывал шампанское с Дианой. Просто сухие стены.

Входная дверь скрипнула, выпуская облачко теплого воздуха. В фойе пахло дешевым табаком и дезинфекцией. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с накрашенными ногтями цвета крови. Она даже не подняла глаз от телефона, когда я подошла ближе.

— Нам нужна комната. На двоих взрослых... то есть на одну взрослую и двух детей, — мой голос сорвался, звучал чужим, скрежетом по стеклу.

Женщина наконец посмотрела. Её взгляд скользнул по нашим мокрым волосам, по грязной обуви, по дрожащим губам Кати. Она поморщилась, будто увидела дохлую крысу на своем столе.

— Прописка? Паспорт с отметкой? — спросила она сухо.

— У меня нет паспорта с собой, я потеряла его... но у меня есть деньги. Вот, — я дрожащими руками достала из кармана смятые купюры. Две тысячи рублей. Все, что осталось после того, как Артур забрал банковские карты и заблокировал счета.

Женщина взяла деньги двумя пальцами, словно они были заражены. Посмотрела на них, потом на нас.

— Детей без документов не пускаем. И вообще, у нас тут нормальные люди живут, а не бомжихи с улицы. Вы нам тут всю репутацию испортите своим видом. Проваливайте.

Она швырнула купюры обратно на стойку. Они упали в лужицу разлитого чая, мгновенно раскиснув.

— Но мы не можем на улице! — взмолилась я. — Там штормовой ветер!

— Мне плевать, — она вернулась к телефону. — Охрана!

Сгребла мокрые купюры со стойки, схватила детей за руки и выбежала наружу, прежде чем кто-то успел дотронуться до меня. Дверь захлопнулась за спиной с глухим ударом, отрезав остатки тепла. Мы снова оказались в лабиринте серых стен и ревущего ветра.

Миша начал всхлипывать. Катя спрятала лицо у меня на груди, её волосы пахли мокрой шерстью и страхом. Я чувствовала себя виноватой. Каждое слово администраторши было гвоздем в гроб моего достоинства. Раньше я была женой владельца порта. Меня знали все грузчики, все диспетчеры. Теперь я была никто. Никто, кого можно вытолкнуть за дверь, как мусор.

Глава 3

Ветер усилился, загоняя капли дождя под одежду. Температура стремительно падала. Я знала, что если мы простоим так еще час, у детей начнётся переохлаждение. Нужно было укрытие. Любое.

За дождём проступили освещённые окна.

В глубине двора логистического комплекса «Транс-Лайн» горели окна склада. Склад я проектировала три года назад; терминал Артур переписал на Диану. Я всё ещё помнила, где у них обогреватель, где стоит кофейник для ночной смены. Хоть бы пустили к нему детей.

Мы побежали туда, спотыкаясь о лужи и кабели. Металлические ворота склада были приоткрыты. Я потянула на себя створку, надеясь проскользнуть внутрь хотя бы в тамбур.

— Стоять!

Голос прогремел как гром среди ясного неба. Из тени кабины грузовика вышел охранник. Громадный мужик в жилете «СБ», с фонарем, луч которого резал темноту прямо в мои глаза.

— Чего тебе тут надо? — рыкнул он, подходя ближе. Он узнал меня. Я видела, как его лицо исказилось смесью удивления и презрения. — Вера Сергеевна? Или теперь уже просто Вера?

— Мне нужно согреться, — сказала я, стараясь говорить ровно, хотя колени подгибались. — Пять минут. Только пять. Дети замерзают.

Охранник сплюнул под ноги.

— Артур Сергеевич предупреждал. Чтобы ноги твоей здесь не было. Ты теперь для компании несуществующий элемент. А вторжение на объект — это статья. Полицию вызвать?

— Пожалуйста, вызывайте, — я усмехнулась горько. — Скажите им, что мать с двумя детьми пытается не умереть от переохлаждения на пороге бывшей работы мужа. Посмотрим, как это будет выглядеть в новостях.

Он колебался секунду. Потом махнул рукой.

— Пшел отсюда. Быстро. Пока я добрый.

За его спиной я увидела других рабочих смены. Они курили у служебного входа, переговаривались. Один из них, молодой парнишка, которого я учила заполнять накладные, отвел глаза. Никто не вмешался. Никто не предложил помощь. Система переваривала меня, выплевывая прочь.

Мы отошли в темный угол двора, за большой синий контейнер. Здесь было немного тише, ветер не бил напрямую в лицо. Я села на холодный бетон, обхватив детей руками. Катя начала тихо плакать, беззвучно, чтобы не привлекать внимания. Миша смотрел на окно склада, где горел свет.

— Папа там? — спросил он еле слышно.

Сердце пропустило удар.

— Нет, сынок. Его там нет.

Но я видела силуэт за матовым стеклом. Высокий, уверенный. Смех долетал до нас, приглушенный ветром, но отчетливый. Они праздновали. Диана, конечно же, смеялась громче всех. Артур... Артур наверняка рассказывал истории о том, как «сумасшедшая жена» устроила скандал, как ему пришлось выгнать её ради безопасности бизнеса. Как она истерила, угрожала, пыталась навредить.

Катя дернулась, пытаясь встать, чтобы лучше видеть отца.

— Не смотри! — я резко притянула её к себе, закрывая ей глаза руками. Мои пальцы дрожали. — Он нас не видит. Он не хочет нас видеть. Забудь.

Ребенок заплакал сильнее, упираясь в мою грудь. Я чувствовала, как внутри меня что-то рвется на части. Не любовь. Не жалость. Что-то более первобытное, более злое.

Часы тянулись бесконечно. Холод проникал в кости. Я пыталась найти в карманах хоть что-то съедобное, но там были только клочки бумаги и монеты. Напиться было негде. Горло пересохло так, что глотание причиняло боль.

Я встала, оставив детей в углу контейнера, и пошла к ближайшему торговому автомату у служебного выхода. Там висел аппарат с чаем и бутербродами. Надежда на горячий напиток держала меня на ногах.

Я засунула монету. Автомат загудел, индикатор моргнул красным. Ошибка. Я попробовала другую. То же самое. Третья. Монета провалилась в щель возврата, застряв. Автомат гудел отказом, издевательски и равнодушно.

— Черт возьми, — выдохнула я, ударив кулаком по металлическому корпусу. Звук получился глухим и жалким.

Рядом со мной остановился мужчина. Запах алкоголя, дешевого одеколона и чего-то неприятного. Он посмотрел на меня, потом на автомат.

— Тяжело живется, дамочка? — протянул он хрипло.

Я отшатнулась, прижавшись спиной к холодному металлу. Инстинкт кричал: беги. Этот человек был опасен. Он загораживал мне путь к детям и смотрел на меня так, будто уже решил, чем я буду расплачиваться за помощь. Паранойя, которая раньше была фоном, теперь стала главным звуком в голове. Каждый шаг, каждый взгляд, каждый шорох — угроза.

— Отстаньте, — сказала я жестко.

— Да ладно тебе, я не кусаюсь, — он сделал шаг ближе, его рука потянулась к моему плечу.

Я резко ударила его по протянутой руке. Сильно, не думая. Мужчина охнул, отступил, матерясь. Я добежала до контейнера, схватила детей и побежала прочь, не оглядываясь. Сердце колотилось так, что хотелось вырваться из грудной клетки.

Где-то вдалеке послышался звук двигателя мусоровоза. Ревущий, грубый.

Мусор. Старая сумка. Ключи от сейфа. Черновики договоров.

Паника накрыла меня волной. Моя сумка осталась в квартире. Там были ключи и копии контрактов, которые доказывали, что Артур планировал банкротство задолго до того, как заговорил о разводе. А если он уже велел выбросить её? Если эти бумаги сейчас едут на свалку? Я схватилась за карман: флешка оставалась на месте. Но подписей и печатей на ней не было.

Усадив детей под навесом ангара, я развернулась и побежала к мусорным бакам. Они стояли за углом; оттуда я ещё видела Катину пижаму.

Машина уже подъехала. Гидравлические рычаги с лязгом поднимали баки. Внутри, в темноте, мелькали пакеты, коробки, обрывки ткани. Между ними — чёрная сумка. Такая же, как моя. Или мне только показалось?

— Стойте! — крикнула я, бросаясь к машине. — Дайте посмотреть! Там могут быть документы!

Водитель мусоровоза посмотрел на меня через стекло. Лицо было каменным. Он ничего не услышал или не захотел слушать. Баки перевернулись. Содержимое вывалилось в кузов.

Звук падения пакетов. Шлепок. Тишина.

Я стояла посреди двора, тяжело дыша, глядя на закрытый люк машины. Так и не разглядела сумку. Мои бумаги могли всё ещё лежать в квартире — за дверью, которую для меня больше не откроют. Мне хотелось верить, что их можно вернуть через суд, но сейчас я даже не могла купить детям чай. Только дно. Абсолютное, черное, холодное дно.

Вернувшись к детям, я обнаружила, что они уснули. Или потеряли сознание от истощения. Я не могла сказать точно. Я села рядом, обняв их обоих, чувствуя, как их тела остывают.

В этот момент свет фонаря над нами мигнул и погас.

Тень заслонила небо. Огромная, плотная, неподвижная тень.

Я не подняла головы сразу. Страх был слишком силен. Я ждала удара. Ждала окрика. Ждала, что сейчас меня пнут ногой, как собаку.

Но вместо этого перед моими глазами появился термос. Металлический, потертый, но массивный. Рядом с ним легла пара сухих, тяжелых носков из толстой шерсти.

Тишина вокруг стала гулкой. Даже шум дождя будто отдалился.

Я медленно подняла глаза.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, широкий в плечах. Форма береговой охраны была мокрой, но на нем это выглядело как доспехи. Лицо было скрыто тенью капюшона, но я видела подбородок, твердый, как камень.

Он ждал, пока я возьму термос. Оглядывался на детей, молча подставив дождю широкую спину. Я приготовилась объяснять, почему мы здесь, но он кивнул на чай — сначала это.

Я взяла термос. Крышка была отвинчена. Внутри плескался горячий чай. Пар поднимался вверх, смешиваясь с холодным воздухом.

От его мокрой формы пахло солью, дизелем и шерстью. Я держала термос обеими руками и всё ещё ждала подвоха. Этот человек двигался так спокойно, будто ему некого было бояться. Мне бы хоть на минуту его спокойствие.

Я подняла голову выше, встречаясь с его взглядом. Глаза были серыми, стальными, бездонными. На левой щеке, пересекая скулу, белел шрам. Грубый, неровный след, будто кто-то пытался стереть с него личность ножом.

Я задержала взгляд на шраме. Кто-то уже пробовал сломать этого человека — и он стоял передо мной, предлагая горячий чай, а не объяснения.

— Пей, — сказал он низким, хрипловатым голосом. Это было не приглашение. Это было приказание выжить.

Артур думал, что сломал меня. Он думал, что выбросил мусор.

Но пока он праздновал победу в освещенном офисе, за моей спиной выросла тень, которая собиралась сжечь его мир дотла.

Глава 4

Дождь бил по лицу. Тяжёлые, холодные капли секли кожу так, будто кто-то сыпал горсть за горстью мелких камушков. Горячий чай обжёг язык, но дрожь не отпускала. Мужчина кивнул в сторону канала. Переложив флешку из пальто в карман свитера, я подняла детей с бетона и повела за собой, механически переставляя ноги в промокших туфлях. Они уже давно потеряли форму и превратились в месиво из грязи и воды. Двойняшки едва держались на ногах. Мой мир сжался до этих двух маленьких, ледяных комочков.

Миша плакал без слёз, только хрипло гудел, как перегоревшая лампочка. Катя молчала, прижавшись щекой к моему мокрому плечу. Её губы посинели. Это был цвет смерти. Я знала этот цвет. Мы видели его в больницах, когда Артур «случайно» забывал платить за страховку, и нам приходилось просить милостыню у врачей. Но тогда мы были дома, в своей квартире, которую я ещё считала своей. Теперь у нас не было ничего. Ни ключей. Ни документов. Ни надежды. Только этот адский ноябрьский ветер, который пробивал насквозь тонкий свитер, оставшийся на мне после того, как я сорвала с себя пальто и шарф, чтобы закутать детей.

Я чувствовала, как мои собственные руки начинают терять чувствительность. Пальцы онемели, но я не смела выпустить детские ладони. Если я упаду, они останутся здесь одни. Если я сяду, я не встану. А если я не встану, их заберут. Артур ещё в квартире, глядя мне прямо в глаза, пригрозил отнять детей. «Ты истеричка, Вера. Ты угрожаешь безопасности детей». Он говорил это спокойно, будто обсуждал погоду. А потом его охрана выставила нас под дождь.

Склады порта возвышались передо мной чёрными монолитами среди тумана. Там пахло ржавчиной, соляркой и старой рыбой. Там было тепло — или хотя бы защита от ветра. Я торопилась за ним, поддерживая детей, спотыкаясь о бордюры, скользя по лужам. Моё сердце колотилось так сильно, что я слышала его гул в ушах. Быстрее. Ещё быстрее.

На пути к третьему ангару меня перехватил луч света. Ослепительный, режущий глаза фонарь вырвал меня из темноты.

— Стоять! Куда прёшь?!

Передо мной вырос силуэт охранника. Крупный мужик в куртке цвета хаки, с дубинкой на поясе и лицом, испещренным красными жилками. Он смотрел на меня как на мусор, который случайно занесло ветром на его территорию.

— Выметайся отсюда, баба. Периметр закрыт. Сейчас полицию вызову, будешь объяснять, почему ты тут шляешься ночью с детьми.

Он потянулся к рации, глядя поверх моей головы. Я прижала к себе Катю: её посиневших губ он словно вовсе не замечал, зато мои шаги по закрытой территории заметил сразу.

Страх за детей затопил всё остальное. Я сделала шаг вперёд, игнорируя свет, бьющий в лицо. Мои зубы стучали, но голос вышел тихим, шипящим сквозь зубы, полным той ярости, которая копилась во мне месяцами.

— Если вы вызовете сейчас полицию, мои дети умрут от переохлаждения до приезда скорой. Хотите подписывать протокол о смерти? Или лучше просто отойдите?

Охранник замер. Луч фонаря дрогнул. В его глазах мелькнуло замешательство. Он привык к скандалам, к крикам, к просьбам. Но к такому спокойному, ледяному обвинению он готов не был. Его уверенность трещала по швам. Он открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но не успел.

В темноте портового канала, словно призрак, вырисовалась лодка. Мотор работал почти бесшумно, но фары били мощным, белым светом, ослепляя и охранника, и меня. Лодка береговой охраны. Та самая, что должна была быть далеко, в море, а не здесь, в мутной воде рядом с грязными складами.

Мужчина с термосом шагнул между мной и охранником. Высокий, широкий в плечах, в форме, которая сидела на нём как вторая кожа. Он не посмотрел на охранника. Не спросил документов. Его взгляд прошёлся по детям, прижатым ко мне, затем поднялся к моему лицу. Холодный, оценивающий, властный.

Григорий Волков. Капитан береговой охраны. Человек, чьё имя шептали в порту с опаской и уважением.

— Залезайте, — сказал он. Голос звучал глухо, как удар по воде. — Дети первыми. Быстро, пока совсем не окоченели.

Я не помнила, как оказалась внутри. Тело двигалось само, повинуясь инстинкту выживания. Внутри было жарко. Пахло дизелем, мокрой шерстью и чем-то ещё — крепким табаком и морским бризом. Это сочетание запахов ударило в нос сильнее любого кофе.

Я стояла посреди тесного отсека, качаясь. Дети тяжело дышали, прижимаясь ко мне. Мне нужно было сесть, но я боялась. Боялась испачкать чистую скамейку своими грязными, окровавленными от холода руками. Боялась показаться жалкой перед этим человеком. Перед этой стеной власти и силы.

Григорий не стал ждать. Он сделал шаг навстречу, схватил меня за плечо. Жест был властным, почти грубым, но именно этот захват остановил моё падение. Его пальцы жгли через тонкую ткань свитера. Он аккуратно, но решительно усадил меня на скамью, а затем снял свою куртку. Она была тяжёлой, тёплой. Он набросил её мне на плечи, окутав меня запахом своего тела и моря.

Я вздрогнула. Не от холода. От странного, пугающего чувства безопасности, которое исходило от этого мужчины. Он усадил детей рядом со мной и укрыл одеялом. Катя уронила голову мне на плечо, Миша прижался с другой стороны. Григорий проверил, не мокрые ли у них ноги, и накрыл их ступни своими большими ладонями. Я смотрела, как он греет их ступни, и боялась пошевелиться. Артур мог купить нам любые ботинки. Этот чужой мужчина сейчас согревал детей собственными руками.

Лодка тронулась. Порт остался позади, растворившись в тумане. Мы уходили в открытую воду.

Паника накатила волной. Куда мы плывём? У меня нет денег. Нет жилья. Я не могу позволить себе помощь такого уровня. Чем он заставит за неё платить? Гордость, которая раньше мешала мне просить помощи, теперь кричала: «Вставай! Уходи! Это ловушка!»

Я попыталась подняться, опираясь на край скамьи. Григорий даже не повернул головы. Он стоял у штурвала, следя за водой впереди. Я подтянула сползающее с детей одеяло.

— Сядь, — произнёс он ровно. — Если хочешь жить, сядь. Там, где ты была, тебя уже ищут люди Артура. Здесь тебя не найдут.

Его слова резали правдой, острой и холодной. Он знал про Артура. Откуда? Мы никогда не встречались. Я видела его только издалека, на церемониях открытия терминалов, куда меня не пускали из-за «несоответствия дресс-коду».

Лодка причалила к базе береговой охраны. Свет прожекторов залил пирс. Солдаты и офицеры, дежурившие на посту, замерли, глядя на нас. На меня — мокрую, жалкую женщину в чужой куртке, с двумя детьми, цепляющимися за мои руки. Мне стало стыдно до тошноты, до ощущения, как будто кто-то содрал с меня кожу. Я хотела исчезнуть. Раствориться в тумане.

Но Григорий прошёл мимо всех, ведя меня под руку так, будто я королева, а не нищенка. Его хватка была крепкой, уверенной. Он остановился у дежурного офицера и громко, так, чтобы слышали все, сказал:

— Гостья капитана. Разместить в каюте для персонала. Никаких вопросов.

Дежурный выпрямился, пропуская нас. Больше никто не разглядывал мои туфли и мокрое пальто. «Гостья капитана» — я повторила это про себя. До самой каюты держалась за его руку, боясь, что без неё нас опять остановят.

Каюта была тесной, но сухой. Пахло дезинфекцией и старым деревом. Григорий приказал принести сухие одеяла для детей. Фельдшер осмотрел детей, переодел в сухие больничные пижамы и велел дать им отлежаться. Я дождалась, пока он разрешит спать, и укрыла их на узкой койке. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как дрожь начинает отпускать тело, оставляя после себя ломоту в костях.

Я сняла его куртку, старательно сложив её на стуле. Мне нужно было вернуть долг. Поблагодарить. Понять мотивы. Почему сильный, властный мужчина рискует репутацией ради бездомной женщины с двойней?

Григорий стоял у двери, засунув руки в карманы брюк. Я подняла глаза — и он продолжал смотреть, не пряча взгляда. От такой внимательности хотелось поправить свитер, убрать мокрые волосы с лица. Зачем ему понадобилась именно я?

— Почему вы помогли? — спросила я. Мой голос сорвался, но я заставила себя говорить тихо и чётко. — Мы не знакомы. Я никто для вас.

Он усмехнулся. Едва заметно, уголком рта.

— Я не помогаю тебе, Вера.

Моё имя в его устах прозвучало как выстрел. Я замерла. Он знал. Он знал, как меня зовут, хотя мы никогда не общались.

— Я наблюдаю за штормом, — продолжил он, делая шаг ближе. Его запах табака и моря снова окутал меня, но теперь он был не спасением, а предупреждением. Опасностью. — А ты... ты оказалась в эпицентре.

Он не объяснил больше ничего. Просто развернулся и вышел в коридор. Щелчок замка снаружи прозвучал громче, чем удар колокола. Я посмотрела на дверь: нас укрыли от Артура — и заперли. Одно от другого сейчас было не отделить.

Я осталась одна в тепле и безопасности. Дети спали. Дождь барабанил по крыше базы. Но в голове шумело только одно: откуда он знал моё имя, если мы никогда не встречались раньше? И почему в его взгляде читалось не желание помочь, а ожидание чего-то большего? Чего-то, что может стоить мне дороже куртки, вплоть до души.

Глава 5

На следующий день детей переводили из каюты в казарму. Они не хотели туда идти. Катя впилась пальцами в мой подол, Миша орал так, что у меня заложило уши. Их истерика была громче ветра, бьющего о стены ангара. Дежурный офицер, молодой парень с бледным лицом и нервными глазами, уже потянулся к рации, чтобы вызвать охрану. «Нарушителей порядка выдворить», — читалось в его позе. Я ухватила Мишу за руку. За стенами ангара всё ещё выл ветер; я слишком хорошо помнила, как быстро дети замолчали на холоде. Только бы нас снова не выставили.

— Это секретная база, — прошептала я детям, наклонившись к их красным щекам. Мой голос дрожал, но я заставила себя говорить тихо, интимно, будто делилась великой тайной. — Здесь живут только избранные. Если вы будете плакать, они нас услышат раньше времени. Григорий Волков смотрит на вас. Не разочаровывайте капитана.

Имя сработало как заклинание. Офицер замер, палец завис над кнопкой. Он посмотрел на меня, потом вглубь коридора, где виднелась тень высокого человека в форме. Страх перед авторитетом Волкова оказался сильнее служебных инструкций. Офицер медленно убрал руку, буркнул что-то себе под нос и отвернулся. Мы прошли. Я держала детей за руки так крепко, что побелели костяшки. Внутри всё дрожало от облегчения и унижения: ради крыши я пугала собственных детей, как прежде пугал нас Артур. Катя ещё крепче вцепилась в подол, и я присела рядом.

— Капитан не сердится. Я тоже. Просто давайте пройдём вместе, ладно?

Она кивнула, не отпуская ткань.

Казарма пахла дезинфекцией и старым потом. На узких койках лежали серые армейские одеяла, жесткие, как наждачка. Дети сидели на полу, обхватив колени, и молча тряслись. Я умела рассчитать отопление огромного склада, но сейчас даже детям не могла дать сухие носки. Больничные пижамы уже были сухими, но выйти в них за дверь было нельзя. Мне нужны были куртки и обувь для детей.

Я постучала в дверь кабинета. Григорий открыл дверь и вернулся за стол, к разложенным бумагам.

— Мне нужен доступ к складу конфискованных грузов, — сказала я прямо. Голос звучал хрипло. — Там есть одежда. Для детей.

Григорий наконец посмотрел на меня. Его глаза были темными, внимательными, без капли жалости. Он молча достал ключ, положил на стол.

— Бери только то, что нужно детям, — произнес он низким бархатным басом. — Не копайся в бумагах. И не трогай контейнеры с маркировкой «А». Поняла?

— Да.

— Ты нарушишь правило — окажешься на улице. Одна.

Я схватила ключ. Холодный металл обжег ладонь. Но это был шанс. На складе было темно и сыро. Пахло морем и плесенью. Я включила фонарик телефона, свет вырывал из мрака горы коробок. Сердце колотилось где-то в горле. Каждый шорох казался шагом преследователя. Я искала быстро, механически, как учил опыт аналитика: сканировать ряды, находить нужные ярлыки. Детская обувь. Куртки. Носки. Новые, почти новые, снятые с контрабандистов, которые пытались спрятать товар среди хлама.

Когда я вернулась, дети уже уснули в одежде на жестких койках, свернувшись клубочками. Им нужна была еда. Сухпаек вызвал у Кати тошноту. Я пошла на кухню. Штатный повар, старшина Ким, рубил мясо с злой эффективностью мясника.

— Ужин закрыт, — не оборачиваясь, сказал он.

— Мои дети голодны, — ответила я. — Дайте им горячего супа.

— Расписание, гражданская. Правила базы.

Я огляделась. На заднем дворе стояли неразобранные поставки продуктов. Ящики с овощами, мешки с крупой. Бардак. Старшина ненавидел беспорядок.

— Я вам поставку разберу, — предложила я. — Овощи отдельно, крупу отдельно, всё подпишу. Вы потом сами искать ничего не будете. А мне две порции борща для детей. Договоримся?

Старшина обернулся. Окинул взглядом мои грязные руки, потом ящики на дворе. Я ждала ответа, уже прикидывая, куда поставить овощи, чтобы не загородить проход.

— Ладно, — буркнул он. — Только не сломай ничего.

Я работала два часа. Разбирала поставку, сортируя банки по этикеткам, выравнивая ящики в идеальные колонны. Это была медитация. Руки двигались сами, голова отдыхала от боли. Когда закончила, кухня блестела. Старшина молча налил мне две порции супа. На выходе он поймал мой взгляд.

— У тебя двое детей? — спросил он вдруг, тише обычного.

— Сын и дочь, — кивнула я. — Двойня.

Он кивнул, будто понял что-то важное. И улыбнулся уголком рта. Первая улыбка от человека, которому не приказали нас принять.

— На разгрузку продуктов люди нужны? — спросила я.

— Утром зайди к снабженцу. Скажу, что ты умеешь работать.

Утром мне оформили полставки грузчика. Пока я разбирала поставки, за детьми присматривал дежурный фельдшер; Ким выдавал талоны на столовую.

Вечером я осталась одна в казарме. Дети спали. Тишина давила на уши. Я включила свой телефон и открыла сохранённый контакт Дианы. Золотое тиснение на черном картоне её визитки я помнила до мелочей. Когда-то сама внесла этот номер в телефон.

Пальцы сами потянулись к телефону. Хотелось кричать. Хотелось узнать, почему. Почему она? Почему он выбрал её славу вместо нашей жизни? Боль была острой, как осколок стекла в горле. Я открыла поле набора номера, рука дрожала. Заблокированная сим-карта не дала бы позвонить, но я всё равно смотрела на цифры. Экран вспыхнул в полумраке.

Звук открывающейся двери заставил вздрогнуть. Я резко повернула голову. Григорий стоял на пороге. Смотрел на телефон в моей руке. Не говорил ни слова. Его взгляд был тяжелым, оценивающим. Он видел мою слабость, мой импульс вернуться в ад.

Я посмотрела на спящих детей. На их спокойные лица. Потом перевела взгляд на печь, тлеющую в углу.

Удалить контакт. Подтвердить. Я смотрела на пустую строку, пока не погас экран. Руки больше не дрожали.

Григорий молча развернулся и ушел. Но прежде чем закрыть дверь, он оставил её приоткрытой. Щель в темноте коридора. Знак того, что он рядом. Что я не одна.

Утром возникла новая проблема. Документы. Без паспортов и свидетельств о рождении дети не могли пойти в школу, к врачу. Они были призраками.

Я пришла к Григорию. Он пил чай, глядя в окно на серый океан.

— Нам нужны документы, — сказала я.

— Полиция заинтересуется, — ответил он, не оборачиваясь. — Твой муж подаст заявление о похищении. Тебя найдут за час.

— Тогда что делать?

Григорий повернулся. Лицо было непроницаемым.

— Подадим заявление об удержании документов. Через адвоката восстановим твой паспорт и детские свидетельства. А школа пока сверит свои личные дела. Вы живёте здесь как гости под охраной, не под чужими именами. На время расследования.

— Расследования чего?

— Многих вещей. Но ты должна понимать: приняв эту помощь, ты станешь частью этого мира. Твоего нейтралитета больше нет. Артур будет считать тебя предательницей. И ты будешь мишенью.

Я смотрела на него. Видела в этих холодных глазах ловушку и спасение одновременно. Другого пути не было.

— Согласна, — сказала я.

Он кивнул. Я ещё постояла у стола, ожидая, что он назовёт цену этого согласия. Но Григорий уже вернулся к бумагам.

Ночь была тихой. Слишком тихой. Мне снился кошмар. Артур врывается в базу, смеется своим хриплым смехом, хватает Катю за волосы. Я кричу, но голоса нет. Проснулась в поту, сердце выпрыгивало из груди. В комнате было душно.

Я вышла в коридор. Свет дежурного ночника отбрасывал длинные тени. На скамейке у окна, ведущего на пирс, сидел Григорий. Он курил, выпуская дым вверх, в темноту потолка.

— Не спится? — спросил он. Голос был глухим, усталым.

Я села рядом. Не ответила. Просто смотрела на его профиль, освещенный слабым синим светом из окна.

— Мой брат погиб, — сказал он вдруг. Не глядя на меня. — На судне твоего мужа. Пять лет назад.

Я замерла.

— Он тоже боялся темноты, — продолжил Григорий. — Потому что знал, что там прячутся те, кто хочет убить.

Он повернул голову. Его глаза блестели. Не слезами, а чем-то более опасным. Железной волей, скрытой под слоем пепла.

— Артур не просто жадный сукин сын, Вера. Он монстр, который кормится людьми. И я знаю, как его убить. Но мне нужны твои доказательства.

Теперь стало понятнее, почему он помог. Я смотрела на его профиль, стараясь привыкнуть к этим словам. Он потерял брата, я едва не потеряла детей — и всё равно боялась стать для него лишь способом добраться до Артура. Но вставать со скамейки не хотелось. Хотелось сидеть рядом, пока он говорит со мной вот так, без приказов.

Я не отстранилась. Когда он протянул руку, чтобы убрать прядь волос с моего лица, его пальцы коснулись моей щеки. Грубые, теплые, сильные. Я задержала дыхание. Его пальцы задержались у щеки, и я уже ждала, коснётся ли он меня снова.

— Спи, — сказал он тихо. — Завтра будет тяжело.

В понедельник утром я проснулась от ощущения мягкости. Под подушкой лежала пара детских носков. Чистых, пушистых. И записка, написанная крупным, уверенным почерком:

«Сегодня в 8 утра зайди в кабинет. Адвокат подготовил требование о возврате документов из ячейки управляющей компании. Артур отнёс их туда после выгона — это подтвердил дежурный».

Я сжала бумажку в кулаке. Запах табака и моря исходил от неё. Игра началась.

Глава 6

Перед входом я вытерла ладонь о пальто: задела мокрую стену, и на пальцах осталась серая грязь. На стекле уже виднелись мои следы. Я стояла перед дверями управляющей компании «Портовый Комфорт», чувствуя, как промокшая ткань пальто липнет к спине. Внутри было тепло, пахло кофе и кондиционером — запах сытой, благополучной жизни, из которой меня выкинули три дня назад.

Григорий сказал: «Заберешь документы. Покажешь бланк от адвоката». Я всё ещё надеялась, что официальный бланк откроет мне дверь.

Я толкнула дверь. В тамбуре гудела тепловая завеса; внутри было душно. За ресепшном сидела женщина с идеальной укладкой и глазами, покрытыми слоем скуки. Она даже не подняла головы, пока я не положила на стойку распечатанное требование адвоката.

— Мне нужны ключи от ячейки номер сорок два, — голос дрогнул, и я ненавидела себя за это. — Там мои личные дела, дипломы, свидетельства о рождении детей. Это моя собственность.

Женщина наконец посмотрела на меня. Ее взгляд скользнул по моим растрепанным волосам, по пятну от чая на воротнике, по дорогим, но уже потертым туфлям. Она медленно подтянула бумагу к себе, не касаясь меня пальцами.

— Имя?

— Вера Соколова. Супруга Артура Соколова.

— А, так это вы, — она усмехнулась уголком рта, и эта усмешка была страшнее любого крика. — У нас есть указание. Любые действия с имуществом ответчика без присутствия истца или его официального представителя запрещены судебным запретом. Вы же юрист? Или нет? Логистик... Ну тогда вам должно быть понятно.

— Там нет имущества фирмы! Там мои дипломы! Детские полисы!

— Девушка, мне все равно. Папочка звонит.

Она потянулась к телефону на столе. Не к внутреннему, не к служебному. К личному мобильному, который лежал рядом с кружкой. Я видела экран: входящий вызов от «Анна С.» (секретарь Артура). Она ответила, включив громкую связь, специально для меня.

— Да, Анна. Нет, та самая сумасшедшая жена судовладельца опять тут. Точнее, бывшая. Нет, ничего не отдаем. Пусть плачет. Хорошо, передаю привет.

Она повесила трубку и вернула мне бланк.

— Ждите в холле. Если будете кричать, вызовем охрану.

Моя кровь загустела. Стыд жег щеки, но злость была сильнее. Я схватила бланк и развернулась к выходу. Шаг был тяжелым, ноги гудели.

В полутьме вестибюля меня перехватили. Двое мужчин в черных костюмах блокировали путь. Между ними шла Диана. Она выглядела как картинка из глянцевого журнала: дорогой тренч, очки, ни одной складки на платье. Она пахла духами, которые я когда-то дарила Артуру на годовщину.

— Вера, детка, — Диана поправила прядь волос, и в ее голосе звучала такая фальшивая забота, что тошнило. — Ты почему еще здесь? Тебе холодно? Пойдем, мы проводим тебя до машины.

— Отстань от меня! — я попыталась обойти их, но один из охранников мягко, но жестко положил руку на мое плечо. Его пальцы были холодными.

— Осторожно, Вера. Не провоцируй, — шепнула Диана, наклоняясь ближе. Ее губы почти коснулись моего уха. — Артур уже подал ходатайство. О принудительной госпитализации. Из-за агрессии. Каждый твой шаг фиксируется. Сейчас ты пытаешься вырваться? Фотографируем. Симптом мании величия.

От страха и бессилия меня тряхнуло. Я ударила локтем в грудь охранника, но он даже не качнулся. Второй перехватил мою сумку.

— Там могут быть опасные предметы, ножницы, стекло... Все знают, какая ты теперь, Вера. Нестабильная.

Они вытряхнули содержимое моей сумки на пол. Мои ручки, блокнот, детская влажная салфетка, которую я носила для Миши, разлетелись по линолеуму. Диана подняла бланк адвоката и заявление о возврате детских документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.